

Для Альдоны

ГЛАВА I

Ночной воздух был наполнен ароматом влажного камня — недавно улицы омыл сильный осенний дождь, на границе восприятия удавалось ощутить металлические нотки с примесью гари, словно после проехавшего поезда. Только в анклав не было поездов. Как и людей. По крайней мере, живых людей...

Рудницкий с беспокойством поглядывал на клубящийся вокруг туман. Свет газовых ламп создавал во мраке фантастические формы, обманывал глаза, дурчил разум. Фонари в анклав горели и днем и ночью, хотя подачу газа давно прекратили. Однако варшавский анклав жил по своим правилам. Как и все другие. К счастью, проникновение затронуло только самые крупные города, в Российской Империи пострадали только три: Петербург, Москва и Варшава.

Внезапный порыв ветра разогнал мглу, и в луже отразилась Луна. Рудницкий беспомощно выругался — полнолуние. Ноябрь, значит, Луна Охотника. Здесь и сейчас обыкновенное предзнаменование. Несмотря на утешительную тяжесть револьвера и алхимические вещества в закупоренных бутылках из хрусталя, Рудницкий предпочитал не думать, кому, если что, выпадет роль охотника, а кому — дичи.

Из-за угла донесся звук, напоминающий скрежет железа по стеклу, и Рудницкий нервным жестом потянулся за оружием. Но, прежде чем он успел прицелиться, упал на мостовую, сваленный ударом по затылку. Через мгновение грубым пинком его перевернули на спину.

— Кто такой? — спросил солдат в мундире жандарма, прищурился глазами.

— Ал... алхимик. Лицензированный, — добавил Рудницкий поспешно. — Мои документы...

— Лежать! — рявкнул солдат, подкрепляя приказ дулом карабина.

Рудницкий невольно съежился, топот ботинок свидетельствовал, что жандарм был не один.

— Покажите документы, — произнес холодный голос на польском. — И никаких резких движений!

Безупречное произношение свидетельствовало о том, что незнакомец, несомненно, командир патруля, был или поляком, или прекрасно знал польский. Одно и другое казалось одинаково маловероятным: для охраны границ варшавского анклава специально набирали россиян, и редко, когда патруль возглавлял кто-то выше сержанта или вахмистра. А те не блистали образованием.

Рудницкий потянулся к карману плаща и вытащил документы, очень медленно поднимая руку.

— Действительно, алхимик, — буркнул незнакомец. — Лицензированный. Вот только лицензия истекла в полночь и уже несколько часов недействительна.

— Пристрелить? — равнодушно спросил жандарм, прижимая приклад щекой.

— Пока нет, — ответил командир с реальным или притворным замешательством в голосе. — Кто знает,

зачем нам понадобится господин алхимик? Вставайте, — резко кинул он.

Рудницкий поднялся на ноги, со стоном ощупывая голову. Он стиснул зубы, разглядев кровь при свете ближайшего фонаря. Еще этого не хватало... Он вытащил из кармана кусок марли, обрызгал экстрактом с добавлением порошкового гематита.

— Было бы неплохо, если бы кто-то помог мне перевязать голову, — сказал он.

— Сами не справитесь? Нам еще и нянчиться с вами?

— Без меня вы не доживете до рассвета, — гневно кинул Рудницкий. — А что касается няньки...

— Перевяжи его, Матушкин, — нетерпеливо приказал командир. — Иначе будет ныть до утра.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

Рудницкий резко выдохнул. Еще раз посмотрел на командира патруля: три звездочки, так что старший лейтенант. Куда ему до высокоблагородия? Этот титул применим к капитанам и выше. До полковника включительно. Да и офицер какой-то странный: обычный, что ли, с умным выражением лица, которое портил только сломанный нос, как у боксера, на глаз лет сорок. В этом возрасте лейтенантом мог быть полный неудачник. А незнакомца окружала аура компетентности и власти. К тому же отличное знание польского... Та-а-а-к, похоже, ему попался необычный патруль.

Он кивком поблагодарил солдата, закупорил бутылочку и осторожно положил ее в сумку, что висела через плечо.

— У кого-то еще есть раны? — Он повысил голос.

— Раны? Нет. Только царапины, — ответил равнодушно офицер.

— Их нужно обработать, — смиренно произнес Рудницкий.

Лейтенант презрительно фыркнул, а подчиненные поддержали его смехом.

— Переживем, — заверил его Матушкин, хлопая Рудницкого по плечу.

— Недолго, — процедил поляк.

Солдаты не произнесли ни слова, однако свободный воротничок алхимика внезапно стал сжимать горло, словно петля висельника.

— Можете объяснить? — попросил офицер с обманчивой мягкостью в голосе.

— Сейчас полнолуние, — быстро ответил Рудницкий. — И ноябрь. Это время называется Луной Охотника. Тут, в анклав, и так опасно. Хватит запаха крови, чтобы спровоцировать то... что тут живет. А полнолуние усугубляет проблему. А Луна Охотника...

Он был прерван выражениями, какие редко используют даже в казармах. Только через минуту Рудницкий сориентировался, что солдаты проклинаят не его, а собственную глупость.

— Поэтому вы беспокоились о перевязке?

В этот раз в голосе офицера не было снисходительных ноток, а в предложении — русских грамматических конструкций.

— Конечно. Этот эликсир не только остановит кровь, а также ликвидирует ее запах.

— Вы осмотрите раненых?

— Естественно, только не тут. Лучше зайти в какое-нибудь помещение. Нам надо поговорить.

— Обязательно, — признал офицер многозначительным тоном.

Они пошли вперед, подгоняемые офицером. Рудницкий шел посреди улицы, жандармы заняли пози-

цию спиной к стенам зданий. Принимая во внимание, что и офицер, и каждый из трех солдат несли дополнительные винтовки, патруль был в значительной степени неполным. Ничего удивительного для анклава...

Постепенно здания становились все больше нереальными, обманывая чувства. Приземистые варшавские каменицы росли ввысь, как готические костелы, на крышах появлялось все больше горгулий и химер с разявленными в хищных гримасах пастьями, появились стрельчатые окна.

— Может, тут? — предложил офицер.

Врата каменицы зияли почти осязаемой тьмой, словно вход в склеп, а рядом лежала газета, освещенная светом ближайшего фонаря.

— Не двигайтесь! — резко кинул Рудницкий.

— Господин алхимик. — Лейтенант с уважением пропустил его вперед.

— «Утренний курьер», криминальная хроника, — прочитал вслух Рудницкий. — «Вчера, во втором часу ночи, вызванная за Иерусалимские рогатки¹ «Скорая» обнаружила в луже крови тридцатилетнего работника Михальского с колотой раной в области сердца. Раненого доставили в Госпиталь Младенца Иисуса, где он вскоре умер». Идем дальше!

— Почему?

— Это предостережение! — рявкнул поляк.

— Предостережение?

Рудницкий беспомощно вздохнул: в голосе лейтенанта не было агрессии, и, хотя ствол винтовки не-

¹ Иерусалимские рогатки — два павильона, стоявших по обе стороны Иерусалимских аллей в Варшаве. Уже не существуют, но в 18 веке их было 10. Использовались для перекрытия дороги шлагбаумом.

брежно нацелен в мостовую, однако не было сомнений, что мужчина ожидал ответа. Исчерпывающего ответа.

— Анклав живет, — тихо ответил алхимик. — Существует множество более или менее правдоподобных теорий на тему его появления и свойств, но это сфера ученых и философов. А может, теологов... А на практике лучше воспринимать его как охотничью территорию, район с чрезвычайно опасными хищниками. Никто из них не оставляет следов, к которым мы привыкли, но время от времени можно наткнуться на какую-нибудь подсказку. Это, — он указал на газету, — одна из них.

— Словно след волчьей лапы? — отозвался Матушкин.

— В этом случае скорее не волчьей, а тигриной.

— Идем отсюда, — решил офицер.

Следующие ворота также не вызвали желания зайти, однако алхимик без колебаний углубился в темноту.

— Внимание, ступени, — предостерег он.

Двери были открыты, как обычно в анклав, из зала доносились звуки вальса. Солдаты молниеносно разбежались по помещению, проверяя все уголки.

— Никого, — отрапортовал невысокий, коренастый жандарм с залихватски закрученными усами.

— И патефон играет... — пробурчал под нос офицер.

— Ничего не трогайте, — предупредил Рудницкий. — Не выходите из помещения одни. И обращайтесь внимание на все, что кажется вам странным.

— Я так понимаю, что это не касается самоиграющих патефонов или вчерашних газет? — спросил лейтенант.

— Не касается, — сухо признал поляк. — А сейчас обрабатываем раны. И помните, считается каждая царапина!

* * *

Рудницкий запил сухари чаем и снова подвинул стакан в сторону самовара. Усатый солдат по фамилии Ершов открыл краник.

— Это точно нам не навредит? — спросил он.

— Нет, еда в основном безопасная. Ну, эта нормальная...

— Не понимаю...

— Лучше не есть того, что убивает, — объяснил алхимик.

На лице жандарма появилось отвращение.

— Реально кто-то пробовал?

— Бывало, — подтвердил Рудницкий. — Некоторые считают, что мясо существ, живущих в анклав, обладает особыми свойствами.

— Это правда? — быстро спросил офицер.

— Без понятия. — Поляк пожал плечами. — Я не занимаюсь магией. Содержу аптеку.

Крепкого телосложения солдат, дремавший до этого времени под окном, поднял голову и окинул Рудницкого внимательным взглядом, в котором не было и следа сонного отупения. Знаки на погонах гиганта выдавали в нем вахмистра.

— Расскажите, что вы тут ищете, Олаф Арнольд-ович, — попросил он.

Рудницкий неуверенно откашлялся. С того момента, как он осмотрел их раны, они обращались с ним с упреждающей, просто неестественной вежливостью, несовместимой со стереотипом простого солдата. И задавали вопросы. Грамотные вопросы. К то-

му же совсем не беспокоились о реакции командира, словно знали, что он не будет злиться на подобные расспросы. Они даже не спрашивали позволения вмешаться в разговор, что сильно контрастировало с моделью дисциплины в российской армии. И речь не в легкомыслии командира, все его распоряжения выполнялись беспрекословно.

— Что вы знаете о спагирической медицине? — ответил он вопросом на вопрос.

— Немного. Название кажется мне знакомым и только.

— Наверное, речь идет про объявления в прессе, — со злорадной усмешкой сказал Матушкин. — Знаете, про те, что обещают мгновенное лечение смущающих болезней. Вахмистр Батуринов регулярно их читает...

Батуринов ответил непристойным жестом, однако по нему не было видно, что он действительно злится, словно колкости подчиненного его совершенно не волновали.

— Ну и, Олаф Арнольдович? — осторожно подталкивал он.

— Если это для вас сложно...

— Вахмистр только выглядит как троглодит, на самом деле он может сосчитать до двадцати, не используя пальцы рук и ног, — поддержал просьбу подчиненного лейтенант. — И я с удовольствием узнаю что-то новенькое.

Рудницкий поднял брови, но не прокомментировал то, что солдаты интересуются алхимией. Курам на смех.

— Как пожелаете. — Он пожал плечами. — Само слово «spagiria» происходит от греческих терминов «spaо» — отделить и «ageiro» — объединить. Если ко-

ротко, то речь идет об отделении энергии минералов, растений или животных, сборе ее в лекарства и объединении с энергией человека. Сам процесс очень сложный, и каждый алхимик выполняет его по-своему, путем многократной дистилляции, сублимации, экстракции, ректификации...

— Но это же безумие! — влез в разговор усатый Ершов. — Энергия животных!

— Ну хорошо, — буркнул Рудницкий. — Попробую на примере... Недавно поляк Казимир Функ открыл, а скорее извлек новую субстанцию, которую назвал «витамин». Если его не хватает в организме человека, то он начинает болеть. Лечение очень простое — достаточно восполнить недостаток. Сам феномен изучается давно, хотя неизвестно точно, чего не хватает человеку. Сотни лет люди лечили цингу лимоном или квашеной капустой, а куриную слепоту — сырой печенкой. Только не каждый хотел или мог съесть сырую печень... Лучше бы было сохранить необходимый ингредиент в таблетках или... ну я не знаю... В сиропе. И давать больному.

— И этим вы занимаетесь? — спросил Батулин.

— Не совсем. Классическая медицина исследует отдельные компоненты, входящие в состав лекарств, алхимия подходит к этому более обобщенно, нас не волнует, что находится в лекарстве, главное, чтобы оно действовало. Мы сосредоточены на том, чтобы насытить его как можно большим количеством активной субстанции и сделать его максимально усваиваемым для человека. Существует еще одна разница между нами и лекарями: медицина считает, что нет никакой связи между человеком и вселенной, мы — наоборот. Согласно принципам алхимии, каждый орган сформировался под воздействием разных сил: